

Повседневность и "домашние" практики семей трудовых мигрантов

Введение

Повседневность как социальная практика является основой всех взаимодействий в обществе, выступая, таким образом, неисчерпаемым источником познания. Она входит в социальную жизнь, охватывая, в первую очередь, сферу семейно-бытовых отношений. Используя лексику феноменологии [см. подробнее: 3; 15], можно предположить, что происходит конструирование социальной реальности, включающее в себя "семейное" и "повседневное" как части единого целого. В процессе их взаимодействия рождаются новые социальные смыслы, которые выступают как механизмы самоорганизации и способствуют социальной активности отдельных индивидов и целых социальных групп. Одной из таких групп являются семьи трудовых мигрантов, повседневность которых имеет специфические черты.

Анализируя процессы миграции и особенности поведения трудовых мигрантов, многие отечественные и зарубежные авторы отмечают ряд проблем, связанных с их включённостью в культурную среду принимающего сообщества. К их числу относят трудности взаимодействия с местным населением, сложности профессионального самоопределения, жилищно-бытовую неустроенность, формирование негативных эмоциональных состояний (тревожности, стресса, агрессивности, страхов), трудности некоторой части мигрантов в освоении русского языка, культуры, российских обычаев [см. подробнее: 1; 2; 6; 7; 9; 10; 11; 12; 16; 17].

Для трудовых мигрантов весьма актуальна проблема интеграции в принимающее сообщество, так как новый культурный контекст, в который переселенцы попадают, приводит к изменениям, переживаемым в процессе адаптации. Эффективность и позитивное направление этого процесса зависят от множества внешних и внутренних факторов, в том числе и от семейных взаимоотношений. Именно семья противостоит социальной напряжённости, является для личности консолидирующим центром. В условиях адаптации на новом месте жительства семья для человека остаётся сферой удовлетворения потребностей в общении и эмоциональном контакте, признании и самореализации. Поэтому для трудовых мигрантов сохраняется высокая социальная и личностная значимость семьи. К этому можно добавить, что если раньше трудовая миграция имела преимущественно "мужское лицо", то сейчас она всё более приобретает "семейные контуры".

Меняя место жительства, мигранты перестраивают своё жизненное пространство и значительно расширяют пределы своей повседневности. В социологии теория повседневности и феноменология выступают базой качественного подхода к изучению (пониманию) реальности. Повседневность учёные определяют и как основную предпосылку исследований в социальных науках [8]. Фундаментальным тезисом здесь служит представление о социальной повседневности как о "верховной реальности", связанной с переживанием объективного существования вещей и явлений. В жизненном мире, мире социальной практики (по А. Шюцу), происходит "наложение" различных "конечных областей значений" друг на друга [14].

© Винокурова А.В., 2018

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта №17-03-50032-ОГН ОГН-АФ

ВИНОКУРОВА Анна Викторовна, к.социол.н., доцент департамента социальных наук Дальневосточного федерального университета (г. Владивосток). E-mail: vinokurova77@mail.ru

В настоящее время активный научный поиск учёных в области повседневных практик специфичных общностей, к которым относятся и семьи трудовых мигрантов, объективно стимулируется социальной ситуацией, интенсивно и противоречиво изменяющейся в ограниченных временных рамках и, как следствие, преобразующей жизнь людей.

Далее следует отметить, что в современной социологической науке мигранты определяются уже как трансмигранты, поскольку развивают и поддерживают множественные семейные, экономические, социальные, религиозные отношения, пересекающие границы. Социальные сети мигрантов создают особые социальные пространства, в рамках которых значительно трансформируются представления о том, что такое семья, дом.

Именно поэтому нам представилось целесообразным проведение исследования, выявляющего практики семей трудовых мигрантов на основных "площадках" их повседневности: в сфере семьи и дома.

Методика исследования

Исследования повседневности с применением качественной методологии позволяют понять, какие повседневные практики являются наиболее распространёнными в семьях трудовых мигрантов. Исходя из этого, их изучение было осуществлено нами на основе комплексной исследовательской стратегии, предполагающей применение первичного и вторичного анализа социологических данных. Источником основных сведений для вторичного анализа послужили результаты исследований, полученные ранее другими авторами.

Первичному анализу был подвергнут эмпирический массив данных, полученных в ходе проведения авторского исследования с использованием качественных социологических методов. Объект нашего исследования – мигранты, приехавшие из постсоветских государств Средней Азии в Приморский край с целью трудоустройства. Исследование носило разведывательно-описательный характер, пилотаж проводился в апреле 2017 г., основные полевые работы – летом-осенью 2017 г. Основной метод сбора информации – фокусированное интервью. В качестве респондентов выступали члены семей выходцев из среднеазиатских государств (Узбекистана, Таджикистана, Кыргызстана) в возрасте старше 18 лет, прибывшие в Приморский край не более 1–3 лет назад. В ходе проведения эмпирического исследования было получено 38 интервью. Мы руководствовались логикой "выборки типичных случаев", предложенной И. Е. Штейнбергом [см. подробнее: 13]. Эти случаи выбираются в ходе беседы с ключевыми информантами, которые помогают определить, что, с их точки зрения, является типичным.

Использование такого комплексного подхода, включающего первичный и вторичный анализ данных, дало нам возможность более полно описать повседневные, "домашние" практики семей трудовых мигрантов.

Результаты исследования

Занимаясь изучением жизненного уклада в семьях трудовых мигрантов, работающих в городах Приморского края, в процессе интервью с нашими респондентами мы обсуждали с ними самые разнообразные вопросы: и приморский рельеф и климат, и бесконечные пробки и то, каково это вообще – "быть приезжим". Мы, как и многие исследователи-качественники, столкнулись с тем, что информанты постоянно обращались к своему жизненному опыту, при этом зачастую ссылались на случаи из собственной жизни: *"Вот в нашей семье было..."*, *"А у нас принято..."* и т.п. И выяснилось, что суть этих простых высказываний не так-то и очевидна. Нам нужны были дополнения, пояснения со стороны респондентов. Например, когда раньше – уже в Приморье или ещё в родном городе/деревне; до переезда или после переезда и т.д.

На сегодняшний день труд мигрантов особенно востребован в сфере услуг. Они активно занимают свободные ниши в розничной торговле, общественном питании, строительстве, жилищно-коммунальном хозяйстве, автотранспортных перевозках и др. Примечателен тот факт, что в настоящее время высок спрос не только на неквалифицированный и низкоквалифицированный мужской труд, но и на "традиционно" женскую работу. Это способствует росту как собственно женской, так и семейной миграции.

Мы разделяем мнение О. Бредниковой и О. Ткач о том, что исследование освоения и присвоения семейными мигрантами новых мест, переструктурирования пространства их жизни, создания нового места жительства представляется особенно значимым, так как именно женщинам традиционно приписывалась привязанность к дому, что значительно проблематизируется самой ситуацией миграции [4, с. 74–75].

В рамках данной статьи мы коротко попытаемся репрезентировать повседневные, "домашние" практики членов семей трудовых мигрантов. Концептуально "мигрантский дом – жилище" напрямую связан с особенностями их работы. В качестве таковых следует обозначить, в первую очередь, постоянный, многократный переход с одного рабочего места на другое, что приводит к частой перемене места жительства. Кроме того, высокая интенсивность и продолжительность рабочего дня трудовых мигрантов не позволяет им длительное время находиться дома.

В то же время, решение "жилищного вопроса" для наших информантов – это жизненно важная проблема. В ходе интервью было выяснено, что ни у кого из них нет хотя бы минимально необходимых материальных ресурсов, чтобы приобрести жильё в собственность. Одиночки или семьи мигрантов зачастую объединяются с другими одиночками или семейными мигрантами и вкладчину арендуют комнаты, квартиры или частные дома. Значительной части наших респондентов за время жизни в Приморье приходилось по несколько раз менять съёмное жильё. Очень интересна в данном контексте трансформация предъявляемых трудовыми мигрантами требований к качеству жилищных условий. В начале "мигрантской карьеры" жильё выполняет исключительно функцию "крыши над головой", и низкая, доступная цена – чуть ли не единственное требование к нему. Как правило, это комнаты в общежитиях, малосемейках, которые сдаются в аренду практически только приезжим из Средней Азии. Зачастую в таких ситуациях хозяев этих помещений или тех, кто за ними стоит, мало заботит наличие элементарных удобств, хотя бы минимального ремонта и прочих вещей, связанных с бытовой безопасностью (исправность электропроводки, водоснабжения и водоотведения и т.п.). В своих интервью многие респонденты говорили о том, что "... бывают перебои с электричеством из-за высокой нагрузки на электросеть ...", что "... вода плохого качества ...", что "... приходится делить комнату с другими соседями-мигрантами...".

В дальнейшем, с увеличением продолжительности "мигрантского стажа", смена места жительства обусловлена желанием улучшить бытовые условия, расширить личное пространство. Информанты много рассказывали о том, что "... приходится переезжать поближе к работе ...", "... надоело жить в такой тесноте и грязи...", "... появилась возможность переехать в более хорошее жильё ...". Но возможности смены нынешнего жилья на жильё с более приемлемыми бытовыми условиями для большинства трудовых мигрантов ограничены из-за отсутствия официальной регистрации и достаточного экономического и социального капитала.

При этом в собранных нами нарративах очень редко упоминаются жалобы на жилищные трудности. Наши информанты гораздо охотнее рассказывали о положительных сторонах бытовой жизни (даже там, где, на наш взгляд, их нет). Например, как можно помыть посуду, если нет раковины и т.п. Интервью с нашими информантами показывают, что они совсем мало усилий прилагают для обустройства своего дома. Практически они не привозят и не перевозят с собой с одной съёмной квартиры на другую вещи, напоминающие о "домигрантской жизни" (домашние мелочи, безделушки, книги и т.п.). В плане обстановки ограничиваются хозяйской мебелью и техникой и другими подобными предметами, полученными в дар или купленными за символическую цену. У мигрантов нет стремления создать уют в доме, поскольку он рассматривается, в первую очередь, как место для ночёвки, восстановления сил после трудового дня. Так, одна из наших информанток очень показательно описала свой рабочий график и, как следствие, отношение к жилью: "... В квартире практически ничего нет ... Диван – уже хорошо ... хоть есть, где спать и вода горячая постоянно ... Я же дома и не бываю, работаю в "KFC", приползаю почти в 12 и спать ... А на следующий день опять работать ...".

Если говорить о так называемых "циркулирующих" семьях трудовых мигрантов, о чем мы писали ранее [5], то об обустройстве дома речи вообще не идёт. В подобных случаях предполагается возвращение к постоянному месту жительства в стране происхождения. При этом представители более молодого поколения не исключают для себя возможности в будущем повторить опыт трудовой миграции, если нынешний окажется успешным. Соответственно, основная цель – заработать на свадьбу, на покупку машины и пр. на родине, поэтому, приехав в другую страну на заработки, мигранты стараются сократить денежные траты, в том числе и на съёмное жильё.

Желание благоустроить жильё, привнести в него уют связано с присутствием детей. Съёмную квартиру пытаются адаптировать для удобства детей, подстроить под их нужды: например, чтобы у детей было место для игр, выполнения школьных домашних заданий. Вот показательные цитаты из интервью: *"... мы детям купили двухъярусную кровать, письменный стол для уроков, да и вообще много всего, детского... Детям же надо, чтобы было всё как следует ..."*.

В ходе исследования также было выявлено, что чрезмерная занятость женщин – трудовых мигрантов вынуждает их передавать мужчинам традиционно приписываемую женщине ответственность за благоустройство быта и воспитание детей. *"... Вот так получилось ... у мужа сейчас работы нет, пока дома он сидит ... А что? У нас сыновья растут, им с отцом лучше ... Он и еду готовит, и за покупками ходит ..."*. Данный пример наглядно показывает, что женщина в силу жизненных обстоятельств сама выбирает не совсем традиционное распределение гендерных обязанностей. С одной стороны, она берет на себя "мужскую" роль добытчика; а с другой стороны – сохраняет за мужем функцию дать сыновьям "правильное мужское воспитание". Тем не менее, полученные нами результаты репрезентируют, что часто женщины-мигрантки несут двойную нагрузку: и по материальному обеспечению семьи, и по обустройству быта.

Выводы

Таким образом, повседневность семей трудовых мигрантов, проживающих в Приморье, можно охарактеризовать следующим образом: во-первых, для них характерны изменчивость и непостоянство места жительства; во-вторых, стремление минимизировать количество вещей и максимальная функциональность домашней обстановки. Практики "времетрапрепровождения" и конституирования семьи в ситуации миграции значительно изменяются.

В целом, полученные нами результаты показывают, что в семьях трудовых мигрантов имеет место сохранение традиционных повседневных практик (многообразные родственные связи, соблюдение национальных обычаев). Но в то же время наблюдается распространение социальных практик, связанных с новациями жизненного уклада. В качестве таковых можно обозначить трансформацию гендерных ролей, включая, в первую очередь, изменение как семейного, так и социального статуса женщины. Мы полагаем, что сохранение традиционного уклада и привнесение в него новых элементов даёт семьям трудовых мигрантов больше возможностей для успешной адаптации в условиях принимающего иноязычного, инокультурного регионального сообщества.

Литература

1. Арутюнян Ю.В. Об этнических диаспорах в российской среде // Социологические исследования. 2013. № 7. С. 34–44.
2. Барсукова Т.И., Часовская Л.А. Трансформация семейно-брачного поведения трудовых мигрантов // Общество: социология, психология, педагогика. 2016. № 7. С. 9–12.
3. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности: трактат по социологии знания. М.: Медиум, 1995. 323 с.
4. Бредникова О., Ткач О. Дом дляномады // Laboratorium. Журнал социальных исследований. 2010. № 3. С. 72–95.
5. Винокурова А.В. Жизненные стратегии и повседневные практики семей узбекских трудовых мигрантов (на примере Приморского края) // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2017. № 4(43). С. 95–104.

6. Дробизева Л.М. Вариации адаптационного потенциала населения к растущему этническому многообразию // Россия реформирующаяся. 2016. № 14. С. 379–394.
7. Ерохина Е.А. Доминирующее большинство и диаспоры в этническом пространстве сибирского города // Сибирский философский журнал. 2015. Т. 13. № 4. С. 120–126.
8. Ионин Л.Г. Социология культуры: путь в новое тысячелетие. М.: Логос, 2000. 431 с.
9. Исторические проблемы социально-политической безопасности российского Дальнего Востока (вторая половина XX – начало XXI в.): в 2 кн. / под общ. ред. д.и.н. А.С. Вазук. Владивосток: ИИАЭ ДВО РАН, 2014. 360 с.
10. Лубяной М.С., Морозова Н.М. Межэтнические отношения как элемент социального развития // Вестник Института социологии. 2014. №1(8). С. 56–75.
11. Мукомель В.И. Свои "иные": внутрироссийские иноэтничные мигранты в Московском мегаполисе // Федерализм. 2015. № 1(77). С. 79–92.
12. Самойлюк Н.В. Незаконная миграция и региональная безопасность // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2013. № 3. С. 43–50.
13. Штейнберг И.Е. Логические схемы обоснования выборки для качественных интервью: "восьмигольная модель" // Социология: методология, методы, математическое моделирование. 2014. № 38. С. 38–71.
14. Шюц А. Возвращающийся домой // Социологические исследования. 1995. № 2. С. 139–142.
15. Шюц А. Мир, светящийся смыслом. М.: РОССПЭН, 2004. 1056 с.
16. Bartram D. Happiness and economic migration: A comparison of Eastern European migrants and stayers // Migration Studies. 2013. Vol. 1. Issue 2. Pp. 156–175.
17. Westcott H., Vazquez Maggio L. Friendship, humour and non-native language: Emotions and experiences of professional migrants to Australia // Journal of Ethnic and Migration Studies. 2016. Vol. 42. Issue 3. Pp. 503–518.

Транслитерация по ГОСТ 7.79-2000 Система Б

1. Arutyunyan YU.V. Ob ehtnicheskikh diasporakh v rossijskoj srede // Sotsiologicheskie issledovaniya. 2013. № 7. S. 34–44.
2. Barsukova T.I., CHasovskaya L.A. Transformatsiya semejno-branogo povedeniya trudovykh migrantov // Obshhestvo: sotsiologiya, psikhologiya, pedagogika. 2016. № 7. S. 9–12.
3. Berger P., Lukman T. Sotsial'noe konstruirovaniye real'nosti: traktat po sotsiologii znaniya. M.: Medium, 1995. 323 s.
4. Brednikova O., Tkach O. Dom dlya nomady // Laboratorium. ZHurnal sotsial'nykh issledovaniy. 2010. № 3. S. 72–95.
5. Vinokurova A.V. ZHiznennyye strategii i povsednevnyye praktiki semej uzbekskikh trudovykh migrantov (na primere Primorskogo kraya) // Ojkumena. Regionovedcheskie issledovaniya. 2017. № 4(43). S. 95–104.
6. Drobizheva L.M. Variatsii adaptatsionnogo potentsiala naseleniya k rastushhemu ehtnicheskomu mnogoobraziyu // Rossiya reformiruyushhayasya. 2016. № 14. S. 379–394.
7. Erokhina E.A. Dominiruyushhee bol'shinstvo i diaspory v ehtnicheskom prostranstve sibirskogo goroda // Sibirskij filosofskij zhurnal. 2015. Т. 13. № 4. S. 120–126.
8. Ionin L.G. Sotsiologiya kul'tury: put' v novoe tysyacheletie. M.: Logos, 2000. 431 s.
9. Istoricheskie problemy sotsial'no-politicheskoy bezopasnosti rossijskogo Dal'nego Vostoka (vtoraya polovina XX – nachalo XXI v.): v 2 kn. / pod obshh. red. d.i.n. A.S. Vashuk. Vladivostok: ИАЭН ДВО РАН, 2014. 360 с.
10. Lubyanoj M.S., Morozova N.M. Mezhehtnicheskie otnosheniya kak ehlement sotsial'nogo razvitiya // Vestnik Instituta sotsiologii. 2014. №1(8). S. 56–75.
11. Mukomel' V.I. Svoi "inye": vnutrirossijskie inoehnichnyye migranty v Moskovskom megapolise // Federalizm. 2015. № 1(77). S. 79–92.
12. Samojlyuk N.V. Nezakonnaya migratsiya i regional'naya bezopasnost' // Ojkumena. Regionovedcheskie issledovaniya. 2013. № 3. S. 43–50.
13. SHtejnberg I.E. Logicheskie skhemy obosnovaniya vyborki dlya kachestvennykh interv'yuu: "vos'miokonnaya model'" // Sotsiologiya: metodologiya, metody, matematicheskoe modelirovaniye. 2014. № 38. S. 38–71.
14. SHyuts A. Vozvrashhayushhiysya domoj // Sotsiologicheskie issledovaniya. 1995. № 2. S. 139–142.
15. SHyuts A. Mir, svetyashhiysya smyslom. M.: ROSSPEHN, 2004. 1056 s.
16. Bartram D. Happiness and economic migration: A comparison of Eastern European migrants and stayers // Migration Studies. 2013. Vol. 1. Issue 2. Pp. 156–175.
17. Westcott H., Vazquez Maggio L. Friendship, humour and non-native language: Emotions and experiences of professional migrants to Australia // Journal of Ethnic and Migration Studies. 2016. Vol. 42. Issue 3. Pp. 503–518.

Винокурова А.В. Повседневность и "домашние" практики семей трудовых мигрантов.

В работе рассматриваются повседневные "домашние" практики семей трудовых мигрантов – выходцев из постсоветских среднеазиатских республик. Исходя из специфики исследовательской задачи, в качестве главного метода сбора информации был выбран метод фокусированного интервью. Результаты исследования показали, что повседневность семей трудовых мигрантов можно определить следующим образом: во-первых, для них характерны изменчивость и непостоянство места жительства; во-вторых, стремление минимизировать количество вещей и максимальная функциональность домашней обстановки. Практики "времяпрепровождения" и конституирования семьи в ситуации миграции значительно изменяются.

Ключевые слова: *социальная трансформация, миграционные процессы, семьи трудовых мигрантов, выходцы из государств Средней Азии, повседневность, "домашние" практики*

Vinokurova A.V. The Daily Life and "Home" Practices of Migrant Workers' Families.

The paper deals with everyday "home" practices of families of migrant workers – natives of the post-Soviet Central Asian republics. Based on the specifics of the research task, the method of focused interview was chosen as the main method of collecting information. The results of the study showed that the daily life of families of migrant workers can be defined as follows: firstly, they are characterized by variability and volatility of residence; secondly, the desire to minimize the number of things and the maximum functionality of the home environment. The practice of "spending time" and the constitution of the family in a situation of migration is changing significantly.

Key words: *social transformation, migration, families of migrant workers, natives from Central Asian countries, daily life, "home" practices*

Для цитирования: Винокурова А.В. Повседневность и "домашние" практики семей трудовых мигрантов // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2018. № 2. С. 40–45. DOI: 10.24866/1998-6785/2018-2/40-45

For citation: Vinokurova A.V. The Daily Life and "Home" Practices of Migrant Workers' Families // Ojkumena. Regional researches. 2018. № 2. P. 40–45. DOI: 10.24866/1998-6785/2018-2/40-45

